

АДАПТИВНЫЙ ПОЖИРАТЕЛЬ

КНИГА III

ГЛАДКИХ ВАЛЕНТИН

18+

Валентин Гладких

Адаптивный пожиратель 3

«Автор»

2026

Гладких В.

Адаптивный пожиратель 3 / В. Гладких — «Автор», 2026

«Альтаир» пережил падение, но не стал убежищем. Савин оказался за карантинной переборкой, а выжившим приходится выбирать между страхом перед его изменившимся телом и необходимостью принять его помощь. Внутри корабля и под горой просыпаются старые системы, чужая биомасса ищет новые пути, а дорога к безопасному месту оказывается лишь началом. Чтобы довести людей до убежища, Савину придётся остаться рядом с тем, чего боится весь экипаж.

© Гладких В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1 — Отсек	12
Глава 2 — Шаблон	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Валентин Гладких

Адаптивный пожиратель 3

Пролог

Красная линия над карантинной переборкой горела уже несколько минут.

Марина Волкова всё ещё смотрела на неё, хотя смотреть было не на что. Гладкий металл. Сварной шов, почерневший после пожара. Белая надпись, успевшая смениться дважды и теперь застывшая на одном сообщении:

КАРАНТИННЫЙ ОБЪЕКТ ПЕРЕНАПРАВЛЕН.

ДОСТУП ЭКИПАЖА ЗАКРЫТ.

За дверью не было слышно Савина. Не доносились шаги, удары или скрежет корней по обшивке. Только глубоко в корпусе работали насосы. Они включались неравномерно: один набирал обороты, захлёбывался, замолкал, потом его подхватывал другой. Воздух шёл рывками, пах старой изоляцией, кровью и горелым пластиком.

Марина убрала ладонь с переборки. На коже осталась серая пыль.

— Хватит смотреть, — сказала женщина из медицинской капсулы. — Дверь от этого не откроется.

Голос был слабым, но раздражение в нём держалось лучше давления.

Капсулу закрепили поперёк наклонного коридора двумя ремнями и куском грузовой сетки. После падения «Альтаир» лежал на боку, поэтому бывший пол превратился в стену, а аварийная дорожка тянулась по переборке под углом. Любая незакреплённая вещь медленно ползла вниз: инструменты, бинты, гильзы, капли крови.

Женщина лежала под прозрачной крышкой, открытой наполовину. Волосы у неё были короткие, почти седые от пыли, а на левом запястье болталась синяя лента. Даже сейчас она пыталась подтянуть ремень, удерживающий капсулу.

— Имя, — сказала Марина.

Женщина моргнула.

— Что?

— Я видела тебя возле медицинского сектора. Имя не спросила.

— Надежда Соколова. Медицинский техник. Если официально — специалист по обслуживанию автономных комплексов. Если честно — человек, который чинит то, что врачи ломают в панике.

— Очень полезная профессия.

— Была. До того как корабль лёг набок, а у меня треснули два ребра.

Надежда кивнула на индикатор капсулы.

— И насос снова теряет давление. Не стой возле двери. Подай жёлтый фиксатор.

Марина нашла фиксатор среди инструментов и передала через щель крышки. Соколова вставила его в боковой привод, провернула двумя пальцами и поморщилась. Под прозрачной пластиной на её боку темнел широкий кровоподтёк.

— Работает? — спросила Марина.

— Теперь да. Пока.

Слово повисло в коридоре. Пока работала вентиляция. Пока держались переборки. Пока Антон не захлебнулся собственной кровью. Пока Руденко говорил человеческим голосом. Пока Савин оставался за дверью. Пока Горин не вернулся.

Марина повернулась к остальным.

Пятнадцать человек занимали проход от карантинной переборки до открытого сервисного люка. Кто-то сидел, упираясь ногами в поручни. Кто-то держал раненых. Девочка в слишком большом комбинезоне прижималась к женщине с перевязанной головой и смотрела на серые волокна в швах корпуса.

Антон лежал на свернутой теплоизоляции. Его плечо и бок стянули коагуляционными повязками, но ткань под ним всё равно темнела. Возле головы мигал маленький медицинский блок. Каждый третий вдох прибор подталкивал воздух в маску.

Седой мужчина с ломом стоял ближе всех к карантинной двери.

— Он ушёл? — спросил мужчина с рассечённой щекой.

— Да, — ответила Марина.

— Ты видела, куда?

— Я видела, как закрылась дверь.

— Значит, не видела.

Седой постучал ломом по переборке.

— Может, эта тварь сидит в двух метрах и ждёт, пока мы отвернёмся.

Девочка вздрогнула.

Марина посмотрела на лом.

— Ещё раз ударишь по герметичной двери — останешься без него.

— Боишься, что позовём твоего спасителя?

— Боюсь, что ты повредишь единственное, что отделяет нас от карантинного маршрута.

— Он и есть карантин.

— Он только что дал нам воздух.

— Он смотрел на Антона так, будто решал, с какой стороны начать.

В коридоре стало тише. Марина видела этот взгляд. Савин замер рядом с раненым всего на мгновение. Корни приподнялись. Серые линии под кожей потемнели. Его губы разошлись, будто запах крови вызвал голод раньше мысли.

А потом он отступил. Не отвернулся, не сделал вид, что ничего не произошло. Просто заставил себя сделать шаг назад. Это пугало сильнее, чем если бы он оказался обычным чудовищем. Чудовище не выбирало. Савин выбирал каждый раз — и каждый раз пока выбирал не есть людей.

Марина подняла карабин. Не направила на седого — просто показала, что оружие у неё всё ещё есть.

— Он мог взять кровь Антона. Мог забрать ампулы из Е-4. Мог бросить нас без воздуха и уйти к горе. Ничего из этого он не сделал.

— Пока, — повторил седой.

— Да. Пока. Как и все мы. Ты тоже пока не убил соседа из-за воды. Я пока не выстрелила в тебя за лом. Руденко пока говорит с нами. Это не повод разбивать двери.

Мужчина с рассечённой щекой посмотрел на карабин.

— Ты сама держала его на прицеле.

Марина не ответила сразу. Именно это Савин увидел последним. Не благодарность. Не доверие. Ствол у её плеча и палец рядом со спуском.

Она могла объяснить себе, что отвечала за пятнадцать людей, что Савин был заражён, изменён и слишком силён, что один ошибочный рывок его корней превратил бы коридор в бойню. Объяснения не меняли того, что он ушёл один.

— Держала, — сказала Марина. — И он всё равно закрыл дверь с той стороны.

Седой отвёл взгляд. Вентиляция кашлянула. Из решётки вылетело облако пыли. Люди одновременно закрыли лица. Антон закашлялся под маской, медицинский блок запищал, а капсула Надежды качнулась на ремнях.

— Насос переключился, — сказала Соколова. — Поток слабее.

Из стены пришёл голос:

— Переносите людей в Б-двенадцать.

Девочка вскрикнула. Седой поднял лом.

Белая линия прошла по серо-чёрной ткани, вросшей в шов корпуса. Голос Руденко звучал сразу из панели, пола и дальней переборки. Где-то за несколькими слоями металла лежало его тело, соединённое с защитными волокнами «Альтаира».

— Не бей, — сказала Марина.

— Оно полезло из стены.

— Это Руденко.

— Я это слышу, — отозвался он. — И был бы благодарен, если бы меня перестали обсуждать как плесень.

— Где ты? — спросила Марина.

— Основная масса у распределителя. Чувствительные волокна дошли до этого коридора. Б-двенадцать держит давление лучше. Медицинская ниша получает питание. Внешняя переборка деформирована, но замки закрыты.

— Откуда данные?

— Датчики давления. Вибрация приводов. Температура магистралей.

Седой сделал шаг назад от стены.

— Он чувствует корабль.

— Я чувствую ткань, с которой сросся, — сказал Руденко. — Это не делает меня кораблём.

— Пока.

— Ещё раз скажешь это слово, я отключу тебе свет.

Седой устался на белую линию.

— Можешь?

— Нет. Но на секунду стало приятнее.

У Надежды вырвался короткий смешок. Он сразу перешёл в болезненный вдох.

— Руденко, — сказала она. — Б-двенадцать, медицинская ниша. Там есть работающий кислородный блок?

— Один. Поток нестабилен.

— Значит, Антона туда первым. Мою капсулу можно отключить от этой линии на несколько минут.

Марина посмотрела на индикаторы.

— Уверена?

— Нет. Но если мы останемся здесь, уверенность нам не понадобится.

Она потянулась к боковой панели. Пальцы дрожали, но движения оставались точными.

— Снимите с нижнего крепления красный ремень. Синий не трогать — он держит аккумулятор. И не переворачивайте меня головой вниз. Мне уже хватило новых впечатлений.

Люди начали двигаться. Марина распределила тех, кто ещё мог работать. Двое подхватили Антона на теплоизоляции. Ещё трое взялись за капсулу Надежды. Девочку поставили в середину группы. Мужчине с рассечённой щекой достался медицинский блок. Седому оставили лом, но отправили впереди проверять крепления.

Первые метры прошли медленно.

Наклонный коридор был собран для людей, идущих по ровному полу, а не карабкающихся вдоль бывшей стены. Поручни находились то под коленями, то над головой. Кабели свисали поперёк прохода. В одном месте из разрыва обшивки торчала острая направляющая.

Капсула Надежды скользнула. Трое мужчин удержали её, но гладкий корпус потянул их вниз. Один сорвался с поручня. Медицинская капсула ударилась краем о переборку и развернулась.

Серые волокна вышли из шва.

Они обвили нижнюю направляющую капсулы, натянулись и остановили падение.

Люди замерли. Волокна были матовыми, с чёрными прожилками. Они сокращались короткими волнами, передавая нагрузку в корпус.

Седой поднял лом.

Марина упёрла ствол ему в грудь.

— Даже не думай.

— Оно лезет к ней.

— Оно держит капсулу, — сказала Надежда изнутри. — А ты мешаешь мне дышать своим героизмом.

Руденко заговорил из пола:

— Левое крепление капсулы повреждено. Волокна удержат вес. Перенесите верхний ремень на поручень через два метра.

— Ты управляешь ими? — спросила Марина.

— Частично. Основная реакция автоматическая. Ткань чувствует натяжение и закрывает разрывы. Я могу менять направление, пока сигнал проходит через мои нервы.

— А если перестанешь контролировать?

Белая линия на шве дрогнула.

— Тогда она продолжит удерживать ближайшую конструкцию. Или начнёт затягивать всё, что сочтёт повреждением. Поэтому лучше не проверять.

Не лучший ответ. Но честный.

Марина помогла перенести ремень. Волокна отпускали капсулу постепенно, когда нагрузка переходила на поручень. Ни одно не коснулось человеческой кожи.

Когда группа снова двинулась, Марина шла последней.

Карантинная дверь осталась далеко позади. Красная линия над ней превратилась в тонкую черту, потом скрылась за изгибом коридора. Оттуда не пришло ни звука.

— Руденко, — сказала Марина. — Горин.

Белая линия погасла. Несколько шагов никто не отвечал.

— Отдельного человеческого биосигнала нет, — произнёс Руденко.

— Это мы знаем.

— Есть свежая кровь в боковом сервисном канале. И перемещение массы.

— Какой массы?

— Больше человеческой. Она движется к носовым распределителям.

Мужчина с медицинским блоком остановился.

— Машина?

— Ритм не совпадает с ремонтными приводами.

— Живое?

— Часть нагрузки идёт по ногам. Часть — по стенам.

Седой сжал лом.

— Горин.

— Вероятно, — сказал Руденко.

— Савин сказал, что он жив, — напомнила Марина. — Значит, считаем, что жив.

Из глубины корпуса пришёл удар.

Не толчок земли. Не треск остывающего металла.

Что-то тяжёлое ударило по переборке изнутри.

Пауза.

Второй удар пришёл чуть правее. По стене прошла низкая вибрация. Руденко замолчал, будто прислушался всем телом.

— Он проверяет замки, — сказал он.

— Какие?

— Центрального сервисного маршрута. Если пройдёт, получит доступ к вспомогательному распределителю.

— Что он сможет отключить?

— Воздух. Охлаждение. Датчики глубоких секций. Не всё сразу, если автоматика ещё соблюдает ограничения.

— А если не соблюдает?

— Тогда всё, до чего дотянется.

Надежда Соколова закрыла глаза на несколько секунд. Потом открыла и посмотрела на Марину через прозрачную крышку.

— В Е-4 лежит женщина.

— Елена Воронова.

— Её охлаждение зависит от вспомогательной линии?

— Частично, — ответил Руденко.

— Значит, он пойдёт туда.

— Горин? — спросила Марина.

— Савин.

Это прозвучало не как надежда. Как расчёт.

Марина посмотрела назад, туда, где за несколькими переборками оставалась красная карантинная дверь.

— Он не знает, что питание просело.

— Узнает, — сказал Руденко. — Внутренний модуль связан с сервисной телеметрией.

— А связь с нами?

— Основной канал закрыт. Могу попытаться протянуть сигнал через защитную ткань, но Горин заметит нагрузку.

— Не надо. Пока не надо.

Седой усмехнулся.

— Оставим чудовище без информации?

— Оставим Горина без дороги к нам.

— Удобно.

Марина резко повернулась.

— Удобно было бы, если бы Савин вошёл сюда, забрал оружие и приказал нам молчать.

Он этого не сделал. Удобно было бы, если бы Руденко оказался обычным человеком, а корабль лежал ровно. Этого тоже нет. У нас осталось только выбирать, какая плохая возможность убьёт меньше людей.

Надежда постучала пальцем по крышке.

— Потом поспорите. У Антона падает насыщение.

Они продолжили путь.

Б-двенадцать встретил их тёмным прямоугольником шлюза. Внутри сохранились две лампы. Одна горела ровно, вторая мерцала. Воздух был холоднее, но не такой сухой. На стенах висели спальные ячейки, теперь стоявшие боком. Между ними протянули грузовые сетки, превратив помещение в несколько узких площадок.

Марина вошла первой. Проверила углы, открытые панели, вентиляционные решётки. В дальней стене серела защитная ткань, но наружу не выходила.

— Чисто, — сказала она.

— Относительно, — поправил Руденко из стены.

Антон перенесли к медицинской нише. Надежду закрепили рядом. Соколова потребовала открыть крышку полностью, хотя при каждом движении её лицо белело.

— Лежи, — сказала Марина.

— Лежать буду, когда вы перестанете путать коагулянт с герметиком.

Она показала на мужчину с рассечённой щекой.

— Ты. Сними повязку с Антона. Медленно. Если кровь пойдёт ярче — прижмёшь обратно. Девочку отведите к дальней сетке. Седой, ломом подопри нижний замок шлюза, раз уж так любишь им махать.

— Меня зовут Виктор, — сказал седой.

— Поздравляю. Подопри замок, Виктор.

Угол его рта дёрнулся.

Люди начали устраиваться.

Постепенно шум стал человеческим. Кашель. Шорох бинтов. Тихий плач. Спор из-за одного целого фильтра. Кто-то делил воду по глоткам. Кто-то пытался включить аварийный обогрев.

Марина стояла у входа и считала. Пятнадцать. Никто не потерялся в коридоре. Антон жив. Надежда жива. Девочка жива. Руденко отвечал. Савин оставался за дверью. Пятнадцать было хорошим числом только по сравнению с четырнадцатью.

На панели возле медицинской ниши появилась схема. Белые точки обозначали людей. Отдельно, за несколькими секциями, горела метка Е-4.

Линия охлаждения под ней дрогнула.

Один из двух белых сегментов погас.

Надежда увидела первой.

— Это не датчик.

Руденко ответил сразу:

— Нет. Падение потока подтверждено по магистрали.

— Насколько?

— Охлаждение сохраняется. Запас устойчивости уменьшается.

Марина подошла к панели.

— Горин?

— Из носового канала пришёл запрос на перераспределение питания. Служебный допуск повреждён, но часть автоматики его приняла.

— Чей допуск?

Пауза стала длиннее.

— Максим Горин. Инженерный доступ экипажа.

В помещении заговорили все одновременно.

Кто-то потребовал закрыть питание целиком. Кто-то — отключить Е-4, чтобы сохранить воздух. Виктор спросил, можно ли разрубить серую ткань и заставить Руденко замолчать. Девочка снова начала плакать.

Марина ударила прикладом по переборке.

— Тихо.

Шум оборвался.

— Воздух не трогаем. Е-4 не отключаем. Руденко ищет, куда Горин ведёт питание. Надежда занимается ранеными. Остальные укрепляют шлюз и готовят ручные приводы.

— А Савин? — спросил мужчина с рассечённой щекой.

Марина посмотрела на схему.

Отдельной метки Савина не было. Карантинный классификатор видел в нём объект, а не человека.

— Савин сделает то, что всегда делает, — сказала она. — Полезет туда, где хуже всего.

— Откуда ты знаешь?

Марина вспомнила его лицо перед закрытием двери. Усталое, серое, слишком спокойное для человека, оставляющего за спиной единственное место с людьми.

— Потому что иначе он ушёл бы к горе ещё вчера.

Свет мигнул.

Из стены пришёл резкий скрежет. Где-то в карантинном маршруте металл ударился о металл.

Один раз.

Потом ещё.

Не со стороны Горина.

Ближе.

За внутренней переборкой что-то двигалось вверх по сервисному каналу. Короткими рывками. С паузами, будто повреждённое тело искало опору.

Руденко заговорил тише:

— Это не Горин.

Марина подошла к стене.

— Савин?

— Масса меньше. Движение на двух ногах. Два дополнительных контакта со стенами.

Один короткий, один длинный.

Левый корень и обожжённый правый.

В помещении никто не сказал ни слова.

Марина прижала ладонь к холодному металлу. На этот раз не позвала.

Савин всё равно не услышал бы.

За стеной снова прошла вибрация.

Он двигался в сторону Е-4.

Один.

А в носовой части Горин уже тянул к себе питание.

Глава 1 — Отсек

Вода закончилась быстрее, чем яд.

Я держал мягкий пакет в левой руке и смотрел, как последняя прозрачная полоска стекает к клапану. Можно было выпить всё сразу. Глоток за глотком, пока горло не перестанет скрипеть, а сухая кожа возле губ не станет похожа на человеческую.

Можно было оставить половину. Впереди находилась Е-4. За несколькими переборками лежала Елена Воронова, и охлаждение её кокона уже теряло питание. Ещё дальше оставались семь слабых сигналов. А за горой — Лада и люди, до которых я всё ещё не добрался.

Воды было меньше, чем задач. Ничего нового. Я отмерил три коротких глотка.

Жидкость показалась сладкой, хотя в ней не было сахара. Просто рот успел забыть вкус чистой воды. Я подержал её под языком, заставил себя не глотать сразу и только потом пустил дальше.

Перерабатывающие камеры возле желудка сжались. Остатки ингибитора, введённого карантинной системой, сидели в крови холодными островками. Фильтрация уже собрала большую часть препарата в боковых сосудистых карманах, но без воды не могла разбавить и вывести остаток.

Я сел на бывшую стену сервисного модуля, которая после падения «Альтаира» стала полом, и прижал левую ладонь к животу.

— Фильтрация.

Доступная вода недостаточна для полной очистки.

Возможна частичная промывка с повышенной нагрузкой на печень.

— Какая неожиданность.

Я закрыл клапан пакета и закрепил его на поясе. Осталось меньше половины. Потом разрешил сосудистым камерам открыть отвод.

Холод прошёл от живота к правому боку. Печень сжалась так, будто между рёбрами провернули тупой крюк. Вены на левой руке потемнели. Из прокола, оставленного иглой карантинной машины, выступила мутная капля.

Я согнул руку. Капля стала длинной нитью, повисла на коже и упала на металл. Запах был медицинский, сладковатый и горький одновременно. Следующая вышла из трещины у ногтя.

Потом тело начало дрожать.

Не от холода. Мышцы пытались вытолкнуть воду через почки, кожу и повреждённые каналы, а воды было слишком мало. Сердце ускорилося. Энергетический орган под рёбрами остался пустым, но отозвался болезненным сокращением, будто тоже хотел участвовать в процессе и не знал, чем.

Я прижал плечо к стене и переждал. Перед глазами поплыли серые пятна. Броневая сетка под кожей рефлекторно напряглась вокруг груди, но я заставил её расслабиться. Сейчас она только мешала дыханию.

Получилось со второго раза. Ещё вчера вся сетка сжималась сразу, превращая торс в плохо подогнанный панцирь. Теперь отдельные участки уже слушались. Волокна у груди размягчились, а вокруг треснувшего ребра остались плотными.

Боль никуда не исчезла.

Зато вдох стал глубже.

Через несколько минут дрожь ослабла. Я вытер с ладони мутную влагу и посмотрел на неё.

Потраченная вода не вылечила меня. Она только уменьшила количество ингибитора, способного снова выключить мышцы в неподходящий момент.

Этого было достаточно, чтобы считать сделку удачной.

Сервисный модуль был размером с грузовой контейнер. Когда-то здесь хранили инструменты и принимали ремонтные бригады. После падения шкафы сорвало с креплений. Один лежал поперёк дальней стены, второй врезался в потолочную панель. Под ногами хрустели прозрачные обломки, металлическая стружка и засохшая пена.

Работала одна лампа. Она мигала в такт насосу за стеной. Вторым источником света находился в моей правой ладони. Тонкие белые линии под кожей едва светились. Энергетический орган сохранился. Каналы к ладони тоже. Но после удара в центральном узле и разрыва чёрно-синей линии запас был пуст.

Белые каналы в ладони по-прежнему отзывались, но выдать им было нечего.

С остальными возможностями было не лучше. Костяной магазин под левым боком сохранился, но готовых шил в нём не было. Кислотная железа отзывалась, но без проверки я не знал, сколько секрета она успела восстановить. Сосудистая перегрузка оставалась доступной как механизм, но внутренний резерв был пуст. Попытка включить её сейчас означала бы ускорить сердце за счёт последних запасов воды и собственных мышц.

Стоило появиться воде и нормальной биомассе, расходуемые запасы начали бы возвращаться. Пока восстанавливать их было не из чего.

Я проверил вещи. Две ампулы лежали во внутреннем кармане под рёбрами, каждая в своей ячейке противоударного футляра. Стекло целое. Раствор прозрачный.

Треснувший кабельный ключ висел на шнуре у груди. Один зубец был погнут, второй сточился о замки города, а трещина пересекала корпус почти до середины.

Под одеждой оставался повторитель-накопитель. Без наружной сигнальной пластины он выглядел как обломок чёрного металла с коротким разъёмом. Заряд почти иссяк. Вне подключённой человеческой линии прибор молчал и больше не выдавал аварийный ритм.

Я не выбросил его. На этой планете бесполезные вещи иногда становились единственными полезными через несколько часов.

Правый корень лежал вдоль позвоночника короткой серой плетью. Потерянная длина не вернулась. Сращённый шов возле основания держался, чувствительность появилась только в первой трети. Я мог прижать корень к спине, отвести в сторону и использовать как короткую опору.

Точный захват оставался мечтой для более богатого белком будущего.

Левый корень работал нормально. Он прошёл по стене, ощупал швы, вентиляционную трубу и вибрацию насоса. Сигналы складывались в грубую карту модуля: за правой панелью двигался воздух, ниже работал слабый привод, впереди находилась пустота сервисного коридора.

Терминал на дальней стене снова мигнул. Я подошёл. Экран пережил падение лучше большинства людей. По диагонали шла трещина, нижний угол не реагировал на прикосновение, зато основная схема ещё работала.

В центре горел мой модуль.

Слева — жилой и медицинский сектор. Пятнадцать белых точек собрались в Б-12. Одна метка мигала неровно возле медицинской ниши. Антон или женщина в капсуле.

Отдельно находилась Е-4.

Её линия охлаждения потеряла один из двух рабочих сегментов.

Ещё глубже на карте мерцали семь слабых отметок: две в D-7, три в D-11, две в G-3.

Пока я смотрел, одна из точек D-11 погасла. Через несколько секунд вернулась. Потом исчезла соседняя.

Это не означало смерть. Сенсорная линия теряла питание. Но разница между мёртвым человеком и человеком, которого перестали видеть датчики, была полезна только до момента, когда приходилось выбирать маршрут.

На схеме появилась красная ветвь.

Она шла от носового сервисного канала к вспомогательному распределителю. Рядом возникло короткое сообщение:

ЗАПРОС НА ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПИТАНИЯ.
ИСТОЧНИК: СЛУЖЕБНЫЙ ПРОФИЛЬ ЭКИПАЖА.
ДОПУСК ПОВРЕЖДЁН.

Под строкой стояло имя.

М. ГОРИН.

Я коснулся экрана.

Схема развернулась. Красная ветвь уже забирала энергию с глубоких датчиков. Следующей была линия Е-4. Потом — вспомогательный воздушный узел Б-12.

Горин не бил по людям напрямую. Пока. Он выдёргивал по одному проводу из системы, которая держала их живыми.

Так было проще. Не нужно ломать дверь, если можно заставить тех, кто внутри, открыть её самим.

Я попытался закрыть запрос. Терминал потребовал командный доступ. Код Елены 9К47В2 открыл внешнее обслуживание, но не дал права отменять служебный профиль. Кабельный ключ вошёл в разъём только наполовину. Погнутый зубец заскрежетал о контакт.

Я надавил. Металл треснул. Не ключ целиком — пока только внутренняя пластина. На экране появилась новая строка:

ТЕХНИЧЕСКИЙ ДОСТУП ПОДТВЕРЖДЁН ЧАСТИЧНО.
ДОСТУПНО: ПРОСМОТР, ЛОКАЛЬНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ.
— Щедро.

Я выбрал карту сервисных маршрутов.

Прямой путь к Е-4 был закрыт карантинном. Маршрут к людям тоже. Оставался узкий обход через вспомогательный воздушный узел и внешний технический люк. Люк находился за дальней панелью модуля, и я уже чувствовал пустоту за ней левым корнем.

Проблема заключалась в том, что панель держала давление.

Если сорвать её сразу, воздух модуля уйдёт в сервисный коридор. Там давление могло быть нормальным. Могло быть ниже. Могло отсутствовать совсем.

Терминал показывал зелёный контур только до первого изгиба. Дальше датчики не отвечали.

Я проверил местный клапан. Привод молчал. Насос за стеной сделал ещё несколько оборотов и остановился. Единственная лампа погасла.

В темноте белые линии моей ладони стали ярче. Не потому, что энергии прибавилось. Глазам просто больше не с чем было сравнивать.

Через левый корень пришла новая вибрация. Далеко впереди по металлу двигалась тяжёлая масса. Неровно. Часть веса переносилась по стенам. Каждый третий шаг сопровождался скрежетом кабеля.

Горин находился не рядом, но шёл к распределителю быстрее, чем я мог позволить себе отдышаться.

Я открыл ручную нишу возле панели. Внутри нашёлся рычаг выравнивания давления и круглый контрольный клапан. Рычаг не двигался. Клапан заклинило после удара корпуса.

Левый корень обвил рукоять. Я упёрся ступнями в противоположную стену. Сцепляющие пластины вошли в царапины металла. Правый корень прижал основание позвоночника к нижней скобе.

Короткая опора. Не больше.

Я потянул.

Рычаг остался на месте.

Боль прошла через треснувшее ребро. Бронева сетка затвердела вокруг повреждения и передала усилие на спину. Левая нога удержала вес. Колено задрожало, но старая костная перемычка не раскрылась.

Я изменил угол.

Не тянул всем телом. Сначала напряг левую ступню, потом спину, потом корень. Защитная сетка легла узкими полосами вдоль рёбер и плеча.

Рычаг сдвинулся на толщину ногтя. Из шва вырвался воздух, пыль потянуло к панели. Давление с другой стороны было ниже.

Я остановился.

Если открыть люк полностью, модуль быстро опустеет. Но воздушный узел находился дальше по маршруту. Его можно было запустить вручную и вернуть давление не только себе, но и части системы людей.

На терминале линия Е-4 дрогнула.

Охлаждение упало ещё на одно деление.

Семь точек в глубине исчезли одновременно.

На несколько ударов сердца карта стала пустой.

Потом вернулись только пять.

Я запомнил последние координаты остальных.

D-11, нижний уровень.

G-3, боковой фильтровальный карман.

Если датчики умрут окончательно, искать придётся по памяти и вибрациям.

Я снова потянул рычаг.

Металл застонал.

Шов возле правого корня натянулся, но не разошёлся. Короткая плеть передала давление в скобу и удержала позвоночник. Левая нога дрожала сильнее. В колене появилась горячая боль.

Рычаг дошёл до середины.

Клапан открылся.

Воздух рванул в сервисный канал. Не весь. Узкая струя прошла через выравнивающую трубу, поднимая пыль за панелью.

Левый корень чувствовал движение.

Поток был слабым, но устойчивым. Давление с другой стороны росло. Я закрепил рычаг обломком крепления и подождал, пока разница уменьшится. В ожидании хотелось сесть, закрыть глаза, допить воду, дать печени ещё немного времени.

Вместо этого я смотрел на Е-4.

Одна известная женщина в охлаждаемом коконе. Семь неизвестных людей, которых датчики переставали видеть. Пятнадцать человек за закрытой дверью. И Горин, который выбирал за меня, кого отключить первым.

На схеме рядом с Е-4 появилась жёлтая строка:

ОХЛАЖДЕНИЕ СОХРАНЕНО.

ВСПОМОГАТЕЛЬНОЕ ПИТАНИЕ СНИЖАЕТСЯ.

Времени в цифрах система не показала.

И правильно.

Мне хватало вида гаснувшей полосы.

Когда давление выровнялось, я вставил кабельный ключ в механический замок панели. Зубец вошёл криво. При повороте трещина стала шире. Замок не открылся.

Я повернул сильнее.

Ключ хрустнул так, что звук отдался в зубах.

Замок щёлкнул.

Панель отошла на несколько сантиметров и остановилась. За ней находилась деформированная рама. При падении металл выгнуло внутрь, и теперь даже открытый люк оставлял щель уже моих плеч.

— Конечно.

Я снял ключ. Одна половина корпуса держалась только на внутренней пластине. Левый корень прошёл в щель, нашёл дальнюю скобу и обвил её. Я просунул левую руку. Кожа на костяшках содралась о край. Бронева сетка легла под предплечьем, защищая сосуды.

Правой рукой взялся за ближнюю раму.

Ладонь почти не принимала нагрузку. Повреждённые кости отзывались тупой болью. Пришлось сместить хват к запястью.

Правый корень упёрся в нижний край люка рядом с телом.

Левая нога — в стену.

Правая — в направляющую.

Я потянул.

Рама не поддалась.

Где-то впереди тяжёлая масса снова ударила по металлу.

На терминале красная линия Горина приблизилась к вспомогательному распределителю.

Я включил перегрузку только на несколько мышечных групп.

Не на сердце целиком. Не на всё тело.

Спина.

Левая нога.

Основание левого корня.

Сосудистые камеры выбросили в кровь остаток кислорода и питательных веществ. Энергетический орган по-прежнему оставался пустым; движение оплачивали собственные мышцы и вода. Мир стал резче. Боль в ребре превратилась в отдельную точку, которую можно было временно игнорировать.

Я рванул.

Деформированная рама выгнулась.

Металл прошёл по правому плечу, содрал кожу и остановился на бронева сетке. Левый корень сократился. Панель вышла ещё на ладонь.

Хватило.

Я отпустил перегрузку раньше, чем сердце успело сорваться. Слабость пришла сразу. Колено подогнулось. Правый корень потерял напряжение. Я повис на левом, ударился боком о край люка и на несколько секунд перестал дышать.

Но проход был открыт.

Из сервисного коридора тянуло холодным воздухом и запахом машинного масла.

Давление держалось.

Я подтянул пакет воды, ампулы и повторитель ближе к телу. Кабельный ключ снова повесил на шнур. Выбрасывать его было рано. Он ещё не развалился полностью, а значит, мог испортить мне жизнь минимум один раз.

Перед тем как войти, посмотрел на терминал. Пять глубоких точек горели. Две оставались невидимыми. Е-4 теряла питание. Линия Горина дошла до вспомогательного распределителя.

Я коснулся метки Елены.

— Сначала ты.

Не потому, что остальные были менее важны.

Потому что её охлаждение исчезало сейчас, а последние координаты семи сигналов я уже сохранил.

Я протиснулся в люк.

Металл сжал плечи. Треснувшее ребро удержала волокнистая фиксация. Правый корень лёг вдоль спины. Левый нашёл первую скобу в темноте.

За мной сервисный модуль остался пустым.

Впереди по кабелям прошёл слабый человеческий служебный импульс.

Не мой.

Горин уже подключал к системе старый шаблон экипажа.

Глава 2 — Шаблон

Человеческий служебный импульс шёл по кабелю впереди меня. Короткая последовательность. Пауза. Повтор. Не аварийный ритм повторителя — другой сигнал, старый допуск экипажа, который автоматика «Альтаира» ещё помнила лучше, чем людей, ради которых была построена.

Я остановился в сервисном канале и прижал левую ладонь к стене.

Металл был холодным. За ним проходили три линии. Одна дрожала ровно — вентиляция. Вторая давала редкие тяжёлые толчки от дверных приводов. Третья несла короткие электрические пакеты в сторону вспомогательного распределителя.

Пакеты шли от носовой части. Горин не просто двигался по корпусу — он входил в систему под своим старым именем.

Канал был настолько узким, что идти в полный рост не получалось. Я двигался боком, упираясь ступнями в бывший пол и потолок. После падения всё здесь повернулось на девяносто градусов. Кабельные лотки стали уступами, технические скобы — лестницей, а сливной желоб тянулся вдоль стены, собирая холодный конденсат.

Левый корень держал дальние крепления. Правый лежал рядом с позвоночником и включался только там, где можно было упереться коротким остатком в металл. После сращения он наконец перестал рваться от каждого движения, но чувствительности дальше первой трети почти не было.

Короткий остаток годился лишь как дополнительная опора, но в тесном канале и этого хватало, чтобы не соскользнуть вниз.

Белые линии в правой ладони давали слабый свет. Энергии было так мало, что свечение не освещало коридор дальше вытянутой руки. Зато я видел блеск масла, края креплений и тонкую паутину трещин на кабельной изоляции.

Впереди находился первый распределительный узел. Круглая крышка была открыта. За ней мигали три контакта: белый, зелёный и красный. Красный отвечал в такт служебному импульсу Горина.

Я коснулся его ногтем. Разряд был слабым, но повреждённые проводящие каналы в ладони отозвались сразу. Покалывание прошло от пальца к запястью и остановилось возле локтя. Энергетический орган под рёбрами болезненно сжался, пытаясь принять внешний ток. Я отдёргнул руку.

Ток тело уже узнавало и проводило по существующей сети, но пустой энергетический орган не мог принять его без судороги.

На крышке загорелась надпись:

СЛУЖЕБНЫЙ ПРОФИЛЬ ПОДТВЕРЖДЁН ЧАСТИЧНО.

М. ГОРИН.

МАРШРУТ К ВСПОМОГАТЕЛЬНОМУ РАСПРЕДЕЛИТЕЛЮ ОТКРЫВАЕТСЯ.

Ниже появилась вторая строка:

КАРАНТИННЫЙ ОБЪЕКТ ОБНАРУЖЕН.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ МАРШРУТ НЕДОСТУПЕН.

— Приятно, когда система знает, кого любит.

В ответ где-то впереди сработал замок. Потом ещё один. Первая дверь открылась для Горина, следующая начала закрываться передо мной.

Я увидел движение по вибрации раньше, чем металл сдвинулся. Две створки вышли из стен и пошли навстречу друг другу, перекрывая сервисный канал.

До них оставалось четыре метра. Можно было отступить в модуль. Можно было попытаться пробить створку пустым импульсом и красиво умереть от собственной глупости.

Я выбрал третий вариант — побежал.

В узком канале это выглядело хуже, чем звучало. Левая ступня оттолкнулась от кабельного лотка. Правой я зацепился за скобу. Левый корень выбросился вперёд и обвил поперечную трубу.

Правое колено отозвалось горячей болью. Я перенёс нагрузку на левую сторону и подтянулся корнем. Створки сходились, щель оставалась шириной с плечи.

Я повернулся боком, прижал правый корень к позвоночнику и нырнул.

Край двери ударил по лопатке.

Бронева сетка затвердела узкой полосой. Металл содрал кожу, но не вошёл глубже. Треснувшее ребро удержала волокнистая фиксация.

Левый корень прошёл первым. Левая рука — следом. Кабельный ключ зацепился за край, шнур дёрнул шею.

Я остановился между створками. Давление росло.

Металл с двух сторон медленно сжимал грудь. Сетка начала твердеть по всему торсу, но я заставил её оставить мягким живот. Если превратить себя в жёсткую распорку, дверь просто переломит рёбра внутрь.

Правой рукой я нащупал ключ.

Повреждённые пальцы плохо держали. Пришлось прижать корпус ключа запястьем и левым плечом.

— Ещё немного, — сказал я двери. — Ты почти победила безоружного инвалида.

Левый корень сократился.

Я выдернул ключ из щели и провалился вперёд.

Створки сошлись за спиной.

Шнур успел пройти. Один из зубцов ключа остался внутри замка.

Я лежал на металлической стене и слушал собственное дыхание. Глубокий вдох всё ещё причинял боль. Но ребро не сломалось заново. Сетка распределила удар, а плечо приняло только длинный кровотокающий срез.

Повторная нагрузка не победила старым способом. Маленький успех. На этой планете маленькие успехи обычно означали, что следующая проблема будет больше.

Я поднялся.

За закрывшейся дверью остался прямой путь к модулю. Впереди канал расходился на две ветви. Левая вела к вспомогательному воздушному узлу. Правая — в носовую часть, куда уходил служебный профиль Горина.

На стене между ними находился старый диагностический разъём. Кабельный ключ больше не подходил: погнутый зубец и так держался чудом. Я достал повторитель-накопитель.

Прибор был почти мёртв. Наружной сигнальной пластины не было. В маленьком накопителе оставался заряд, которого не хватило бы даже на нормальную передачу. Но диагностическому разъёму не нужен был голос. Ему требовалось увидеть человеческое устройство и ответить, к какой линии оно подключено.

Я снял защитную крышку. Разъём повторителя оказался уже корабельного гнезда. Пришлось прижать контакты под углом и удерживать левой рукой. Правый корень упёрся в стену возле позвоночника, снимая часть веса с плеча.

— Последний раз, — сказал я прибору.

Нажал на повреждённую пластину питания.

Повторитель ожил. Не громко. Под кожей ничего не вспыхнуло. Просто в металле прошёл слабый человеческий аварийный ритм, знакомый линии Е-4.

Короткий импульс.

Пауза.

Второй.

Диагностический разъём ответил белым светом.

На стене проступила схема. Белая ветвь уходила к внешнему техническому маршруту и Е-4, зелёная — к вспомогательному воздуху Б-12, красная — в носовой распределитель. Поверх красной линии двигался чужой служебный профиль. Не чужой для корабля.

М. ГОРИН.

Я увидел ещё одну связь. Тонкая красная перемычка уже тянулась от профиля к зелёной воздушной линии. Горин пытался получить право перераспределять не только охлаждение Е-4, но и вентиляцию людей.

Повторитель нагрелся. Третий импульс вышел слабее. Я успел запомнить схему и выдернул прибор. Чёрный корпус погас. Нажал ещё раз — ничего. Заряд закончился.

Повторитель остался куском человеческой техники без голоса. Я закрепил его под одеждой. Теперь он не мог выдать меня сигналом, не мог открыть Е-4, не мог помочь людям. Зато в нём оставались контакты, проводники и знакомый системе корпус.

На худой конец его можно было бросить в кого-нибудь.

Диагностическая схема исчезла, вместе с ней погас белый свет в разъёме. Из динамика над развилкой пришёл треск.

Потом — человеческий вдох. Тяжёлый, влажный, слишком близкий.

— Ты всё ещё носишь чужой голос, — сказал Горин.

Я замер. Голос искажался. Часть звуков проходила через корабельный динамик, часть — через вибрацию стены. В словах слышался металлический дребезг, будто губы Горина работали не одни.

— А ты всё ещё пользуешься старым пропуском, — ответил я. — Мы оба сентиментальны.

— Мой пропуск работает.

— Частично.

— Этого хватает.

По правой ветви прошёл удар. Далеко впереди что-то тяжёлое вошло в очередную переборку. Замок ответил серией щелчков.

— Ты видел людей? — спросил Горин.

— Видел.

— Они открыли тебе дверь?

Я посмотрел на закрывшуюся створку за спиной.

— Я не просил.

— Потому что знал ответ.

Голос стал тише.

— Ты дал им воздух. Удержал башню. Притащил им врача. И что получил?

— Тихий коридор. Почти роскошь.

— Ствол в лицо.

Он знал. Не видел сцену своими глазами — значит, читал камеры или слушал повреждённые линии.

— Они боялись тебя ещё до того, как поняли, что ты умеешь, — продолжил Горин. — Теперь будут бояться сильнее. Каждый раз, когда ты вернёшься, они станут считать, сколько людей ты можешь убить до первого выстрела.

— А ты решил облегчить расчёты и убивать сам.

— Я решил не зависеть от их решения.

Красный контакт в стене вспыхнул. Из правой ветви пришёл электрический удар. Я успел отдернуть руку от разъёма, но ток прошёл по влажному металлу под ногами. Сцепляющие пластины на ступнях сжались. Мышцы правой ноги свело.

Энергетический орган под рёбрами дёрнулся.

На мгновение внешнее электричество вошло в проводящие каналы ладони и предплечья. Не зарядило их — обожгло. Белые линии вспыхнули до локтя. Сердце пропустило удар.

Я упал на левое колено.

Горин использовал служебный профиль, чтобы подать напряжение в диагностическую ветвь.

— Ты всё ещё пытаешься разговаривать током, — выдохнул я. — С людьми обычно сложнее.

Ответа не было. Красная линия в стене нагревалась снова. Я видел это близким тепловым зрением: за панелью тянулась узкая тёплая полоса. Следующий разряд будет сильнее.

Открыть панель ключом не получилось бы: зубец потерял, корпус треснул. Левый корень прошёл по шву и нашёл четыре крепления. Я вогнал пальцы под край облицовки. Сцепляющие пластины зацепились за металл.

Правый корень упёрся рядом с поясницей. Короткий. Достаточный.

Я потянул.

Панель держалась.

Ток снова пошёл по линии.

Я оторвал ступни от металла и повис на левом корне. Разряд прошёл подо мной. Воздух запахом озоном. Белая сетка света скользнула по стене и исчезла.

Плечо под весом тела отозвалось болью. Кровь из свежего среза пошла быстрее.

Я качнулся, упёрся обеими ногами в противоположную панель и рванул облицовку.

Первое крепление вышло, второе согнулось, третье удержалось. Я изменил направление: не тянул наружу — повёл панель вдоль стены, используя её собственную деформацию. Металл сдвинулся.

За ним оказались кабели и три тонких распределительных пластины. Красная нагревалась. Зелёная дрожала от работы вентиляции. Белая оставалась холодной и уходила к Е-4.

Горин снова подал ток.

Я не касался красной линии рукой.

Левый корень обвил изолированное крепление. Пальцами я вырвал металлический зажим, соединявший красную пластину с зелёной.

Искра ударила в лицо.

Кожа на щеке лопнула. Свет перед глазами стал белым.

Но перемычка вышла.

Красная линия продолжила пульсировать отдельно.

Зелёная осталась связана только с воздушным узлом.

Горин больше не мог получить вентиляцию людей через этот участок.

— Один провод, — сказал он из динамика. — Ты думаешь, корабль заканчивается одним проводом?

— Нет. Я надеюсь, что ты закончишься раньше.

Я нашёл местный механический отсекающий и ударил по нему основанием левой ладони.

Он не сдвинулся.

Пришлось использовать кабельный ключ как клин. Тонкий корпус вошёл между рычагом и рамой. Трещина раскрылась ещё шире.

Я надавил запястьем.

Ключ согнулся.

Рычаг пошёл вниз.

Красный контакт погас.

Динамик захрипел.

Последние слова Горина пришли уже через вибрацию металла:

— Я могу открыть тебе путь к людям.

Я удерживал рычаг, пока защёлка не вошла в паз.

— А взамен?

— Оставь Е-4. Там один человек. За дверью пятнадцать. Выгодный выбор.

— Ты плохо меня изучал.

— Наоборот.

Голос стал почти спокойным.

— Ты всегда выбираешь того, кого можешь спасти сейчас. Поэтому тобой так легко управлять.

Линия отключилась.

В канале остался только шум вентиляции.

Я вытащил кабельный ключ. Точнее, то, что от него осталось. Корпус раскрылся вдоль трещины. Внутренняя пластина держала две половины вместе. Один зубец отсутствовал, второй был погнут. Технический доступ он ещё мог подтвердить, если разъём согласится принять это издевательство над инструментом.

Для механической работы ключ почти закончился.

Я закрепил его на шнуре.

Схема маршрута оставалась в памяти. Зелёная ветвь вела к вспомогательному воздушному узлу. Через него можно было выйти к внешнему сервисному люку и дальше к Е-4. Прямая белая линия была короче, но за ней автоматика уже закрывала двери по шаблону Горина. Если пойти туда, он снова будет выбирать, где меня зажать.

Я свернул к воздушному узлу.

Коридор постепенно расширялся. Появились вентиляционные трубы, сетчатые настилы и ручные клапаны. Воздух стал теплее, но в нём появился серый сухой запах. Не дым и не пыль разрушенной изоляции — что-то органическое сидело внутри фильтра и медленно разбрасывало по потоку мелкие частицы.

Левый корень коснулся трубы.

Вибрация вентилятора была неровной. Один из двух рабочих приводов терял обороты. На другом ощущалась дополнительная масса, сокращавшаяся вместе с вращением.

Из стены загорелась короткая строка:

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ ВОЗДУШНЫЙ УЗЕЛ.

ПРОПУСКНАЯ СПОСОБНОСТЬ СНИЖАЕТСЯ.

За следующей дверью что-то ударило по кожуху вентилятора.

Не Горин. Слишком лёгкое, но достаточно большое, чтобы забрать воздух у людей раньше, чем Горин доберётся до другого распределителя.

Я положил ладонь на ручной замок.

Повреждённые проводящие каналы ещё горели после разряда. Энергетический орган остался пустым, но теперь я точнее чувствовал направление внешнего тока.

Первый урок получился болезненным, значит, запомнится. Я открыл дверь воздушного узла.

Серая пыль сразу легла на язык.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.